

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.3>

Верещагина Ксения Андреевна

Функции пейзажа в прозе В. М. Головнина

Предметом исследования в настоящей статье являются функции пейзажа в сочинениях В. М. Головнина "Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах" (1815 г.), "Путешествие шлюпа "Диана" из Кронштадта в Камчатку" (1819 г.), "Путешествие вокруг света на шлюпе "Камчатка" (1822). В работе прослежена типология функции пейзажных описаний в произведениях В. М. Головнина как формах документально-художественной прозы. Выявлено и проанализировано два вида пейзажей: "хронотопический" и "психологический"; определены основные содержательные компоненты каждого вида.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 15-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-4; 82-43

Дата поступления рукописи: 31.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.3>

Предметом исследования в настоящей статье являются функции пейзажа в сочинениях В. М. Головнина «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» (1815 г.), «Путешествие шлюпа “Диана” из Кронштадта в Камчатку» (1819 г.), «Путешествие вокруг света на шлюпе “Камчатка”» (1822). В работе прослежена типология функции пейзажных описаний в произведениях В. М. Головнина как формах документально-художественной прозы. Выявлено и проанализировано два вида пейзажей: «хронотопический» и «психологический»; определены основные содержательные компоненты каждого вида.

Ключевые слова и фразы: пейзаж; пейзажные функции; В. М. Головнин; документально-художественное повествование; реализм.

Верещагина Ксения Андреевна

*Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
kseniya.vereshchagina@mail.ru*

Функции пейзажа в прозе В. М. Головнина

Василий Михайлович Головнин (1776-1836 гг.) является одним из ярчайших представителей своей эпохи. Русский путешественник, капитан первого ранга совершил два кругосветных плавания, во время одного из которых попал в плен к Японцам в 1811-1813 гг. и написал об этих событиях увлекательные документально-художественные произведения в жанре морского путешествия (или литературной маринистики) [2-5]. Его описания Камчатки, Курильских островов и Японии богаты этнографическими и этнокультурными наблюдениями, природоведческими сведениями, географическими данными.

Целью настоящего исследования является рассмотрение функций пейзажных описаний в произведениях В. М. Головнина. Для достижения поставленной цели в статье ставятся следующие **задачи**: изучить реализацию хронотопической и психологической функций в пейзажном описании В. М. Головнина. **Научная новизна** исследования связана с малоизученностью творчества В. М. Головнина, раскрытием уникальной повествовательной манеры писателя. **Актуальным** представляется изучение литературы о Дальнем Востоке.

Современники высоко оценили художественную манеру Головнина и его литературные труды. В. Кюхельбекер писал в «Невском зрителе»: «Когда мы услышали, что в Сыне Отечества будут появляться время от времени описания пера Г. Головнина, мы обрадовались и приготавились читать статьи занимательные, написанные без всяких пустых украшений, восторгов и восклицаний, – мы не ошиблись» [7, с. 117]; а Н. И. Греч позже так охарактеризовал особенности художественного стиля Головнина: «Он учился русскому языку в то время, когда пример, поданный Карамзиным, еще не действовал на книжный язык. Слог его не во всем подходит к нынешнему, но он правилен, прост, ясен и выразителен. Нет ни фраз, ни восклицаний. Везде мысль, дело, правда и откровенность» [Цит. по: 4, с. 17].

В настоящей статье на материале прозы В. М. Головнина осмысливаются проблемы поэтики документально-художественных жанров начала XIX в. Документально-художественные жанры активно изучались в прошлом и находятся в центре внимания литературоведов в настоящем. В работах современных ученых развивается мысль о плодотворности документальных форм для формирования жанрово-стилевой системы современной им литературы. Так, например, в статье А. Пашкурова, Р. Бакирова на материале литературы XVIII в. обосновывается мысль, что документальные жанры стали источником жанрово-стилевых форм для литературных поисков своего времени [10]; в работах Е. В. Пономаревой и О. В. Мамуркиной осмысливается жанровая сложность документальных форм; предложена типология жанровых разновидностей, в основу которой положены критерии документальности или художественности, фактологичности или беллетризации [8; 11].

Эти научные вопросы возможно спроецировать и на творчество В. М. Головнина: его произведения отражали многие тенденции литературного процесса его времени: развитие новой жанровой системы, динамика развития романтического и реалистического метода, формирование пейзажного и психологического описания. В настоящей статье на материале сочинений Головнина исследуется специфика пейзажа, рассматриваются функции пейзажных построений и связь их с реалистическим типом описания, а также их роль в формировании романтического и реалистического типов описания.

На своеобразии художественной манеры писателя оказали влияние многие факторы: установка на документальность описаний (записки были составлены на основе отчетных документов экспедиций); развитый к началу XIX в. жанр литературного путешествия; кроме того, определил характер записок и дух эпохи «больших географических открытий» – многие исследователи путешествовали «с пером в руках»; популярным жанром становится путевой очерк – ему присущи описательность и фактология.

Настоящая работа представляет один из аспектов в изучении литературного наследия В. М. Головнина, а именно поэтику пейзажа в его произведениях. Можно проследить, что в описании природы у Головнина преобладает документальный материал: автор отмечает особенности климатических условий, рельефа, флоры и фауны местности, но крайне редко выражает свое субъективное отношение к пейзажу, не использует и ожидаемых в его период (в литературе сентиментализма и романтизма) стилистических формул.

Большое количество пейзажных описаний в произведениях побуждает пристальнее присмотреться к ним и осмыслить художественную манеру Головнина-писателя. Мы исходим из того, что авторский стиль,

о котором Н. И. Греч сказал «правилен, прост, ясен и выразителен» [4, с. 17], близок к реалистическому художественному мироощущению.

Анализируя типы пейзажных описаний в произведениях Головнина, мы использовали классификацию, предложенную современными учеными: Е. Н. Себиной, Р. А. Ворониным, Л. В. Мельниковой. Е. Н. Себина рассматривает пейзаж как часть хронотопа и выделяет пейзаж как обозначение места и времени действия, сюжетной мотивировки; пейзаж как проявление психологизма и форма присутствия автора; также исследователь выделяет национальное своеобразие как частную форму психологической функции [12]. Отдельно выделяется функция создания национального колорита у Р. А. Воронина [1]. В работах Л. В. Мельниковой выделена функция акцентуации кульминации, где описание вводится в самый торжественный момент, подчеркивая важность событий [9].

У Головнина пейзаж Курил и Камчатки обусловлен «профессиональными интересами» автора-мореплавателя, а именно: приводятся различные сведения о морских маршрутах, погодных условиях, ветрах и т.п. Например: «Все мореплаватели, бывшие в здешних морях, жалуются на необыкновенные туманы и мрачные погоды, препятствовавшие им видеть и близко приходить к берегам для осмотра и описи оных. <...> Кроме сих препятствий, останавливающих мореплавателей в описи берегов и островов сего края, они бывают здесь подвержены еще другим, гораздо большим и опаснейшим затруднениям» [2, с. 5].

Применяя к пейзажным описаниям в книгах Головнина классификацию Себиной, следует прежде всего выделить пейзажные описания, выполняющие хронотопическую функцию, – такие, в которых указываются место и время действия, рельеф, климат, растительность и т.п. [12, с. 265].

Головнин дает подробную характеристику увиденным картинам природы, обращая внимание прежде всего на фактологию – особенности ландшафта и климата. Типичным для автора пейзажным описанием может служить следующий отрывок: «Кадык весь, так сказать, усеян горами, из коих многие весьма высоки и покрыты вечным снегом; но огнедышащих гор на нем нет. Между горами находится множество обширных долин и текут реки... <...> Свойство земли весьма удобно к хлебопашеству, но климат сему не способствует» [5, с. 107].

Как и в случае с этнографическими описаниями, в художественной манере Головнина сильно документальное начало: Головнин-ученый доминирует над Головнин-писателем: автор не просто обозначает природоведческие реалии, но вводит научные термины, названия животных и растений на известном ему языке, в том числе латинском, т.е. пейзаж носит научный характер: «...они (птицы) летали в большом числе около нас... урилы (*Pelecanus carba*, *pelecanus urile* – род бакланов), топорки (*Alca arctica* – морские, или гренландские, попугаи), старички (*Alca cristatella* – гренландские голуби)» [Там же, с. 87]; «...на пространстве сего скучного перехода мы часто видели летучую рыбу (*flying-fish* англичанами и *poisson volant* французами называемую)» [4, с. 68].

Для обозначения местных животных и растений автор часто использует названия, которые используют местные жители, и добавляет к ним научные термины: «...присылали чего-нибудь свежего, а особливо много прекрасной рыбы, называемой здесь хайко (Из рода лососей; почти все лучшие здешние рыбы суть лососинового рода (*salmo*))» [5, с. 85]. Про черемшу: «Ученым известно сие растение под именем *Allium ursinum*, дикий чеснок и проч.» [4, с. 86].

Преобладающая роль хронотопической функции в произведении объясняется главной целью Головнина в путешествии на шлюпах «Камчатка» и «Диана» – провести географические исследования на Алеутских и Курильских островах, измерить их широту и долготу: «Посредством всех сих наблюдений и пленгов нашли мы географическое положение южных оконечностей островов Берингова у Медного» [5, с. 87].

Даже оказавшись в плену в Японии, Головнин продолжает вести свои наблюдения, подмечать важные экономические, географические и культурные сведения об этой стране. Не имея возможности вести записи, он завязывает на память узелки, распустив на нитки одежду.

Вместе с важными экономическими сведениями, Головнин уделяет внимание и этнографическим и историко-культурным подробностям, поэтому наряду с хронотопической функцией описания пейзажа начинают выполнять функцию воссоздания национального колорита [12, с. 268]. «Потом, спустившись с горы, пришли мы на последний ночлег в селение, называемое Онно. <...> Оно находится в обширной долине, имеющей в окружности верст двадцать пять или тридцать; с трех сторон окружена она высокими горами, защищающими ее от всех холодных ветров. <...> Селение Онно стоит, так сказать, в саду: каждый дом имеет при себе обширный огород и сад» [2, с. 101]. «Весь сей берег, так сказать, усеян строением: на каждых трех или четырех верстах встречаются многолюдные селения, из коих при всяком обильная рыбная ловля» [Там же].

Подобные записи были очень ценными для российского читателя, как «обычного», так и из ученого общества. С XVII в. Япония была практически закрытой страной, прекратившей политические и торговые отношения с внешним миром. Исключение было сделано только для китайских и голландских купцов [6].

Документальность во всех произведениях Головнина преобладает над художественной изобразительностью. Однако есть в произведениях Головнина фрагменты, где документальность «отступает». Объясняется это сильнейшими эмоциональными переживаниями, которые испытывал Головнин в тот момент. Хотя он записывал свои эмоции спустя длительное время после произошедшего, сила впечатлений оказалась значительной и оказала влияние на стиль изложения. Пейзаж в этих фрагментах выполняет психологическую функцию и характеризуется обилием эмоционально-окрашенных эпитетов, неожиданных поэтических сравнений и восклицаний.

В качестве примера можно привести фрагмент из заключительной главы «Путешествия шлюпа “Диана” из Кронштадта в Камчатку», в которой корабль Головнина добирается до конечного пункта своего путешествия. В нем проявляется талант Головнина как писателя, способного увидеть природу незнакомой местности в поэтических образах. Экзотический ландшафт полуострова напоминает русским матросам башни и шатры, они смеются, что тут «чорт лагерем расположился» [Там же].

Меткое наблюдение простых матросов совпало с «литературной ассоциацией» самого капитана: он сравнил увиденное с фрагментами пейзажей из поэмы Дж. Милтона «Потерянный рай»: «И в самом деле, я думаю, что Мильтон... не мог бы лучше уподобить военный стан сатаны, когда он вел войну против ангелов, как если бы сравнил оный с камчатскими горами в осеннее время» [Там же].

В этом небольшом фрагменте, заканчивающем книгу «Путешествие Дианы», можно усмотреть проявление эмоционально-психологического описания природы. Русские моряки проделали долгий путь и оказываются у берегов Камчатки, которая тоже является Россией, но, тем не менее, очень далека от родного дома. Характеристика «Стан сатаны» или «лагерь черта», данная Головниным и его матросами, должна подчеркнуть удаленность этой земли от остального мира и почти мистическое отличие его от Европы.

Еще один фрагмент, в котором проявляется психологическая функция пейзажа из книги «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев», – эпизод «бегство из плена». Эмоциональную художественную манеру этого фрагмента определяют обстоятельства: автор и его товарищи только что сбегали из плена, они скитаются по горам, голодные и усталые, а за ними погоня. Русские пленники хотя и рискнуть и совершить опасное плавание в Китай, украв лодку, при этом они не знают, как накажут их японцы в случае поимки. «Поднявшись уже довольно высоко, встретили мы крутой утес, на который надлежало нам карабкаться с превеликим трудом и опасностью» [3, с. 12]. «Тот хребет, по вершине коего мы шли, и следующая за ним, были разделены преужасной лощиной, столь глубокой, что мы никак не могли решиться ночью спускаться в оную, опасаясь, чтобы не зайти в такую пропасть, из которой и назад выбраться будет трудно» [Там же, с. 8]. Психологическая функция реализуется с помощью эмоционально-окрашенных негативных эпитетов: «карабкаться с превеликим трудом», «преужасная лощина», – которые показывают отношение Головнина к ситуации, неудобство и страх, который пришлось перетерпеть русским морякам.

К пейзажу, выполняющему функцию «акцентуации кульминации» [9, с. 15], можно дать следующее описание: «Тут, подле шалаша, прислонившись к дереву, стал я на свободе размышлять: сперва обратил на себя все мое внимание величественный вид окружавшего нас места: небо было чисто, но под ногами нашими между хребтами носились черные тучи, и надобно было полагать, что на низменных местах шел дождь; все горы, кругом покрытые снегом, весьма ясно были видны; я никогда прежде не замечал, чтобы звезды так ярко блистали, как в сию ночь; в окрестностях же царствовала глубокая тишина, но все сии величественные зрелища мгновенно в мыслях моих исчезли, когда я обратился к своему положению» [3, с. 15]. Этот фрагмент иллюстрирует торжественный и важный момент: открытое место Головнин видит впервые после пленения, ему предшествует кульминация произведения, в которой Головнин и его товарищи едва не гибнут в горах. После этого фрагмента напряжение спадает – русские вновь попадутся японским конвоирам, а потом все разрешится быстро и благополучно и Головнин и его товарищи вернутся в Россию. «Величественность» зрелища и повышенную эмоциональность фрагмента можно объяснить не только эстетическим чувством, но и психологическим состоянием автобиографического героя, который впервые после пленения и скитания по лесам чувствует себя свободным – «стал на свободе размышлять» – и впервые отвлекается от тяжелых раздумий о собственной судьбе.

Изучение пейзажных особенностей в произведении Головнина является одним из важнейших аспектов по исследованию поэтики его произведений как форм документально-художественной прозы, в аспектах жанрового многообразия и проблем функционирования. В статье выделена основная функция пейзажа в произведениях Головнина – хронотопическая, благодаря которой очерчивались пространственно-временные параметры изображенного в путешествии мира. Автор создал яркие картины природы Камчатки, Курильских и Алеутских островов, Японии, которые могут быть интересны другим исследователям.

Важность изучения документальных жанров объясняется множеством факторов. Благодаря документальной литературе современный читатель может обратиться к опыту выдающихся мыслителей прошлого, которые в своем творчестве стремились к самопознанию, способен взглянуть на события со стороны, отделенный годами и веками исторического развития; документальные произведения могут помочь ему лучше разобраться в современности. Особая ценность документальной литературы – сочетать в себе фактологичность изображения и художественный вымысел в воссоздании действительности. Благодаря этим элементам читатель может почувствовать особую сопричастность излагаемым событиям.

Список источников

1. **Воронин Р. А.** Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Международной научной конференции (г. Москва, июнь 2017 г.). М.: Буки-Веди, 2017. С. 1-4.
2. **Головнин В. М.** Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением Замечаний его о Японском Государстве и народе: в 3-х ч. СПб.: Морская типография, 1816. Ч. 1. 285 с.
3. **Головнин В. М.** Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением Замечаний его о Японском Государстве и народе: в 3-х ч. СПб.: Морская типография, 1816. Ч. 2. 206 с.
4. **Головнин В. М.** Сочинения и переводы: в 3-х т. СПб.: Морская типография, 1864. Т. 1. 392 с.
5. **Головнин В. М.** Сочинения и переводы: в 3-х т. СПб.: Морская типография, 1864. Т. 3. 530 с.
6. **Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б.** История Японии. М.: Высшая школа, 1988. 432 с.
7. **Кюхельбекер В. К.** Критика. Взгляд на текущую словесность // Невский зритель. 1816. № 2. С. 106-127.
8. **Мамуркина О. В.** Жанровые традиции документальной путевой прозы в литературе конца XVIII – начала XIX века // Пушкинские чтения – 2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XVIII Международной научной конференции. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2013. С. 13-18.

9. Мельникова Л. В. Пейзаж как средство воплощения эстетического идеала в поэзии М. В. Ломоносова // Пейзаж как развивающаяся форма воплощения авторской концепции. М.: МОПИ, 1984. С. 3-17.
10. Пашкуров А. Н., Бакиров Р. А. Диалог документального и художественного в зеркале литературных направлений русской словесности XVIII века // Филология и культура. 2016. № 3 (45). С. 141-146.
11. Пономарева Е. В. Маргинальное пересечение с другими документально-художественными формами // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4: в 9-ти ч. Ч. 5. С. 129-132.
12. Себина Е. Н. Пейзаж // Чернец Л. В., Хализев В. Е., Эсалнек А. Я. и др. Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 264-275.

Landscape Functions in V. M. Golovnin's Prose

Vereshchagina Kseniya Andreevna
Pacific National University, Khabarovsk
kseniya.vereshchagina@mail.ru

The article focuses on identifying landscape functions in V. M. Golovnin's works "Memoirs of a Captivity in Japan, during the Years 1811, 1812 and 1813 with Observations on the Country and the People" (1815), "The Journey of the Russian Imperial Sloop 'Diana' from Kronstadt to Kamchatka" (1819), "Around the World on the Kamchatka" (1822). The paper examines the typology of the functions of landscape descriptions in V. M. Golovnin's works as forms of documentary-fiction prose. The researcher reveals and analyses two types of landscapes: "chronotopic" and "psychological" ones. The basic meaningful components of each type of landscape are identified.

Key words and phrases: landscape; landscape functions; V. M. Golovnin; documentary- fiction narration; realism.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 08.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.4>

Исследование посвящено амбициозной литературной стратегии XX века – производственному роману. В статье при помощи литературоведческого инструментария жанр производственного романа впервые рассматривается в его эволюции с акцентом на образе героя. Автор приходит к выводу о том, что понятие «труд», являющееся базовой ценностью в сознании героя данного жанра, способно принимать несколько форм. Если на этапе становления и расцвета жанра понятие труда для героя связывается с его социальной миссией, преобразованием мира и построением нового общества, то в период его угасания понятие труда для персонажа становится синонимично заработку, образу жизни. Установлено, что происходит смена гротескного образа преобразователя мира реалистичным образом профессионала.

Ключевые слова и фразы: русская проза XX в.; производственный роман; тема труда; человек труда; рабочая тема; типология; литературный портрет; литературный характер.

Гаганова Анна Анатольевна

Московский государственный педагогический университет
briolett@yandex.ru

Типология образа героя производственного романа 1920-1970-х гг. на материале русской литературы советского периода

Художественный образ человека труда прошел лейтмотивом через всю отечественную прозу XX века. Объективной исторической основой для обращения писателей к производственной теме послужила индустриально-техническая революция, пришедшая из Европы в Россию на рубеже XIX-XX веков. Интерес к производственной тематике был усилен постреволюционной национализацией промышленности и провозглашенным в 1925 г. XIV съездом ВКП(б) «курсом на индустриализацию аграрной страны», выразившимся в беспрецедентном по масштабу строительстве заводов-гигантов и, как следствие, в радикальном переустройстве социальной жизни. Эти исторические явления нашли отражение в искусстве, например в «индустриальных пейзажах» А. В. Куприна.

Тема труда послужила основой для создания десятков произведений в жанре производственного романа и заявила о себе как амбициозная литературная стратегия. Художественный образ человека труда привлекал внимание таких мастеров художественного слова, как Л. Леонов, А. Малышкин, Н. Ляшко, В. Катаев, И. Эренбург, Г. Николаева, В. Панова, Ю. Трифонов, А. Бек, Д. Гранин [3, с. 36].

Актуальность исследования связана с необходимостью анализа производственного романа как самостоятельного литературного направления отечественной литературы XX в. Художественная специфика производственного романа значима для современной науки, поскольку изучение художественного образа, характерного для конкретного литературного течения, способно раскрыть универсальные закономерности развития